

ПРИГОВОРЫ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ГОСУДАРСТВА: ОСОБЕННОСТИ ВЫНЕСЕНИЯ И ИСПОЛНЕНИЯ В РОССИИ XVIII ВЕКА

И.В. Упоров¹, д-р ист. наук, канд. юрид. наук, профессор

А.А. Пачков, канд. юрид. наук

¹Российская академия естествознания
(Россия, г. Краснодар)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-5-2-283-288

***Аннотация.** Рассматриваются процессуальные аспекты, связанные с привлечением к уголовной ответственности совершавших преступления против государства в XVIII в. (при этом, имея в виду хронологию, годам правления Петра I уделяется минимальное внимание, учитывая, что этот период в данном контексте исследован достаточно подробно). Акцент делается на завершающем этапе следственно-судебных действий, когда преступник изобличен и решается вопрос о назначении ему наказания и особенностях его исполнения. Соответственно анализируются правовые акты, в которых находились отражение как следственные действия, так и конкретные приговоры, архивные документы, научные труды разных эпох, в которых затрагивается данная проблематика. Приводятся примеры приговоров по ряду уголовно-политических дел. Отмечается, что принципиальной разницы в процессуальном подходе к формированию и формулированию приговоров в отношении политических преступников в рассматриваемый период не было, равно как не выработывалось строгих правовых процессуальных норм. Практически во всех случаях такие дела рассматривались органами политического сыска, которые предлагали варианты приговоров и окончательное решение оставалось за монархом, в некоторых случаях делегируя это полномочия доверенным чиновникам; при следствии зачастую применялись пытки. Ситуация стала меняться лишь в самом конце XVIII в., когда принцип гуманизма стал проникать и в такого рода сферу.*

***Ключевые слова:** приговор; следствие; преступления против государства; экстракты; каторга; телесные наказания; пытки; абсолютизм.*

XVIII столетие в контексте развития российского уголовно-процессуального права характерно начавшимся обособлением судебных органов. В самом общем виде это заключалось в том, что при Петре I появляется корпус профессиональных судей, а к концу века, уже при Екатерине II, происходит разделение уголовного и гражданского процесса. При этом, однако, суд так и не был отделен от администрации, и при всех изменениях монарх оставался верховным судьей, хотя в повседневной практике он, разумеется, не мог участвовать как судья во всех делах и делегировал эти полномочия чиновникам по иерархии вниз в зависимости от важности дела и статуса обвиняемых [1]. При этом руководитель органа политического сыска как правило совмещал обязанности администратора и судьи, имел право выносить приговоры по многим видам политических дел. Приговоры эти записывались как решения самого главы органа политического сыска или его замести-

телей. Кроме того, политические дела решали и высшие органы исполнительной власти. Например, в 1727-1729 гг. приговоры по делам политического сыска выносил Верховный тайный совет, а при императрице Анне Иоанновне – Кабинет министров. Докладчиком по делам перед кабинет-министрами по политическим делам выступал А.И. Ушаков, который представлял проект приговора. Он сам часто и участвовал в обсуждении меры наказания преступникам. После этого в протокол заседания Кабинета вносилась запись такого рода: «1736 года июня 9-го дня, по указу Ея и.в. присутствующие министры, слушав поданных ... из Тайной канцелярии экстрактов с объявлением определения о содержавшемся в Тайной канцелярии ссыльном Егоре Строеве ... рассуждая о злодейственных изменнических винах, о которых явно в экстрактах, за которые его вины в Тайной канцелярии определено ему учинить смертную казнь, соглас-

ны в том с определением Тайной канцелярии» [2, с. 8].

По значимым политическим делам в XVIII в. (равно как и в XIX в.) решением монархов для проведения следствия и вынесения приговора создавались специальные временные судебные комиссии (суды), состав которых определялся исключительно также императором. Так, в деле государственных преступников П.А. Толстого, А.М. Девьера и других специально созданная под руководством Г.И. Головкина судебная комиссия должна была, согласно указу Екатерины I, спешно, в течение 5-6 мая 1727 г. подготовить приговор («сентенцию») и доложить ее императрице. Судей при этом торопили: «А буде что еще из оных же действий, которые уже приличились следованием, не окончено, и то за краткостию времени, оставить», то есть предписывалось прекратить следствием на тех эпизодах, оценка по которым была уже дана на основе проведенных следственных действий [3, с. 196]. Как видно, для определения приговора созывалась коллегия из чиновников, а затем этот приговор предстояло утвердить императрице.

Между тем при этом в период абсолютистской власти, характерной для всего XVIII в., император (императрица) как глава государства вполне имел полномочия решить вопрос о степени наказания единолично, не прибегая «к услугам» своего ближайшего политического окружения – закон не ограничивал монарха. Однако этого не происходило, причем не только в послепетровский период, но и в период правления самого Петра I. Как нам представляется, несмотря на безграничные полномочия, император все же опасался возможных оппозиционных выступлений политического истеблишмента, вплоть до заговоров против собственной персоны, и история показывает, что такие опасения не были напрасными. И вот для того, чтобы в какой-то степени еще больше связать руки своим политическим сподвижникам, российские монархи привлекали их для определения приговора по государственным преступникам. Кроме того, коллегии нужны были монархам и для того, чтобы показать поданным свою гуманность – вот, дескать, коллегия определила смертную казнь, а монарх, проявляя человеколюбие и доброту, смягчает наказания, допустим, ссылкой в каторгу.

Указанные коллегии по результатам следствия обычно представляли отмеченные выше «экстракты» (краткое изложение дела, во многом сходное на обвинительное заключение), которые представлялись судебной коллегии или непосредственно монарху как правило руководителями сыскных ведомств. Так, в указе Екатерины I от 8 декабря 1726 г. по делу Родышевского и Прокоповича сказано, что императрица, «слушав сей выписки, по докладу тайного действительного советника и кавалера князя Ивана Федоровича Рамодановского, указала...» и далее следовал сам приговор. В конце же документа написано: «Сей Ея и.в. имянной указ сказал и записать приказал... Рамодановский» [4, с. 51]. Такого рода экстракты приносил императрице Екатерине I из Тайной канцелярии и А.И. Ушаков. Так, по одному из дел «1725 году июля в 30 день Ея величество... изволила слушать три экстракта, сочиненные в Тайной розыскных дел канцелярии. . из оных по первому Ея и.в. указала учинить: Выморокова – казнить, Антипу Щеглова, Захария Игнатьева – по наказанью кнутом, с выниманием ноздрей послать в вечную каторжную работу в Рогервик; Ивана Щеглова – в старцы и в крепкий монастырь» [5, с. 231]. В упомянутом выше деле Погуляева сохранилась копия протокольной записи о приговоре императрицы Анны Иоанновны по этому делу «1733 г., генваря 31. В Канцелярию тайных розыскных дел генерал ... Андрей Иванович Ушаков объявил, что по учиненной в Тайной канцелярии выписке и по объявленному под тою выпискою Тайной канцелярии определению ... докладывал он, генерал и ковалер, Ея и.в. и Ея и.в., слушав оной выписки и определения, соизволила указать в учинении оному Погуляеву за показанную ево вину смертной казни» [6, л. 19].

Такого рода примеры показывают тот объем влияния на судьбы обвиняемых в совершении преступлений против государства, впоследствии подсудимых, который оказывали на окончательные решения руководители и другие высокопоставленные чиновники органов политического сыска. Нередко не только достаточно было их краткого доклада верховному судье (монарху) для вынесения окончательного приговора, но и они сами нередко получали делегированные полномочия выно-

силье окончательные приговоры. Так, в отмеченном примере одной лишь резолюцией государыни, записанной со слов Ушакова, преступник был приговорен ни много ни мало к смертной казни. В деле Вестенгарт и Петровой (1735 г.) приговор был оформлен несколько иначе. Все тот же А.И. Ушаков подал императрице Анне Иоанновне экстракт дела и свое предложение: «Не благоугодно ли будет по милосердию Вашего величества вместо пытки и смертной казни учиненной Яганне жестокое наказание кнутом и сослать в Сибирь в дальний монастырь и содержать там ее в том монастыре неисходно и пищу давать против того монастыря монахинь». В тот же день он получил собственноручную краткую резолюцию государыни: «Вместо кнута бить плетьюми, а в прочем быть по вашему мнению» [7, с. 556].

Но в принятии окончательного решения не было какого-либо единого установленного порядка. Так, известны случаи, когда императрица налагала опалу, даже не ставя в известность сыскное ведомство о составе преступления человека, за которое определялась опала, о причинах опалы и других обстоятельствах дела. Например, 4 февраля 1732 г. императрица Анна Иоанновна послала главнокомандующему Москвы С.А. Салтыкову именной указ, в котором говорилось: «Указали мы обретающагося в Москве иноземца Еядиуса Наундорфа, которой стоит в Немецкой слободе на квартире у капитана Траутсмана, сыскав его, вам послать за караулом в Колский острог, где его отдать под тамошний караул и велеть употребить в работу, в какую годен будет и на пропитание давать ему по пятнадцать копеек на день из тамошних доходов и повелевает нашему генералу и обер-гофмейстеру Салтыкову учинить по сему указу». 13 февраля арестованный в Немецкой слободе иностранец Наундорф в сопровождении подпоручика Ивана Хрущева и четырех солдат уже ехал на берег Ледовитого океана, и никто так и не узнал, за что его сослали по личному указу императрицы, поскольку документов об этом деле не найдено [8, с. 4]. Такого рода приговоры состоялись, вероятно, без проведения предварительного следствия, выяснения мотивов действий того или иного лица, причин, степени виновности и других обстоятельств, и основыва-

лись, очевидно, на причинах личного характера.

Практика свидетельствует также о том, что следствие хотя и велось, но могло по велению монарха внезапно прерваться без объяснения причин. К таким приговорам не раз прибегала и Екатерина II. Так, в 1775 г. она письмом-приговором к князю Голицыну прервала расследование дела княжны Таракановой еще до завершения его: «Не допрашивайте более распутную лгунью, объявите ей, что она за свое упорство и бесстыдство осуждается на вечное заключение» [9, с. 254]. В другом случае решение по делу Н.И. Новикова в 1792 г. имело вид пространной резолюции Екатерины II, которую она вынесла на основе материалов допросов Новикова в Тайной экспедиции: «Рассматривая произведенные отставному поручику Николаю Новикову допросы и взятые у него бумаги, находим мы...». Далее следовал подробный перечень преступлений Новикова и его сообщников, после состоялся следующий вывод: «Впрочем, хотя Новиков и не открыл еще сокровенных своих замыслов, но вышеупомянутые обнаруженные и собственно им признанные преступления столь важны, что по силе законов тягчайшей и нещадной подвергают его казни. Мы, однако ж и в сем случае следуя сродному нам человеколюбию и оставляя ему время на принесение в своих злодействах покаяния, освободили его от оной и повелели запереть его на пятнадцать лет в Шлиссельбургскую крепость». От сообщников Новикова (князя Трубецкого, Лопухина и Тургенева, которые, по мнению Екатерины II, были обличены «в соучастии ему во всех законопротивных его деяниях») императрица потребовала публичного раскаяния, после чего постановила отправить «в отдаленные от столиц деревни их» [10, с. 477].

В приговорах по делам о государственных преступлениях присутствовал традиционный для XVIII в. перечень уголовных наказаний, а именно смертная казнь, телесные наказания, ссылка в каторжные работы, ссылка на житье, конфискация имущества. В этом смысле ответственность за политические преступления не отличалась от ответственности за общеуголовные преступления. Вместе с тем по политическим делам наказание зачастую приобретало свою специфику в виде так называе-

мой «политической смерти». В докладе Сената, одобренном Елизаветой в марте 1753 г., уточнялось, что политическая смерть – это «ежели кто положен будет на плаху или взведен на виселицу, а потом наказан будет кнутом с вырезанием ноздрей, или хотя и без всякого наказания, токмо вечной ссылке». Простым же наказанием признавалось кнута, вырывание ноздрей, но без объявления помилования [11].

При этом в приговорах по политическим делам нередко значилась ссылка в каторжные работы. В этой связи следует заметить, что данное наказание достаточно активно развивалось в послепетровский период XVIII в. Государство также по-прежнему эксплуатировало труд осужденных преступников, хотя и в несколько меньших масштабах [12, с. 7]. Что касается телесных наказаний, что они в истории российского уголовного права как вид уголовного наказания за совершенное государственное преступление применялись, если сравнивать с развитыми европейскими странами, довольно долго. А.Г. Тимофеев, исследовавший историю телесных наказаний, объяснял их развитие и распространение в России быстрым процессом закрепощения крестьян, принижением положения личности, отсутствием уважения к ее правам, грубостью нравов, подражанием «образцам татарской юстиции». Он писал, что до татарского нашествия (до середины XIII в.) Россия развивалась так же, как и другие страны, владычество же татар «гибельно отразилось на народной нравственности» [13, с. 86]. Таким образом, до половины XVIII в. «русское общество основывалось на страхе и битье в разнообразных формах». Все это привело к тому, что телесные наказания не воспринимались населением как позорящие или лишающие чести [13, с. 195]. Такое положение объясняет противоречивую ситуацию начала XIX в., когда при производстве следственных действий была, наконец, отменена пытка как средство добывания показаний обвиняемых, но вместе с этим сохранялись телесные наказания, которые по своим объективным признакам (особенно битье кнутом), по существу, не отличались от пыток. При этом изувечивающие наказания преследовали цели возмездия и устрашения; и все же в XVIII в. сфера применения кнута все же постепенно суживается

путем введения относительно менее жестоких орудий наказания. Телесные наказания перестают применяться в отношении преступников из среды высших сословий.

Такое положение отражает гуманитарное направление в развитии уголовной политики государства. Так, Указом 1757 г. было запрещено клеймить и рвать ноздри у осужденных женщин [14]. Здесь же следует заметить, что при Елизавете Петровне предпринимались некоторые попытки улучшить положение содержащихся в местах лишения свободы [15, с. 94]. 15 декабря 1741 г. Елизаветой Петровной был издан указ, согласно которому осужденным к смертной казни даруется жизнь заменой казни ссылкой в каторжные работы [16]. Вообще физическая (не политическая) казнь к государственным преступникам применяется все реже, хотя и не отменяется. Положение с приговорами по политическим делам по сравнению с Московским государством значительно смягчается. Это хорошо видно по эпохе Екатерины II, которая в своем знаменитом «Наказе» отразила эти изменения в государственно-правовой стратегии власти, в том числе в части уголовного процесса, где имело место влияние права европейских стран [17].

Тогда же начинается целенаправленное теоретическое осмысление уголовного наказания. Так, государственный деятель, современник императрицы И.В. Лопухин, в частности, отмечал, что «предмет наказаний должен быть исправление наказуемых, и удержание от преступлений. Жестокость в наказаниях есть только плод злобного презрения человечества и одно, всегда бесполезное, тиранство» [18, с. 5]. В другом месте, говоря о политических преступниках, он писал: «Тесным и тягостным в темницах содержанием угнетать таких людей, которые иногда и по основательным причинам осуждаются на заключение под стражу тайную, было бы единственно презрение человечества, или месть, не терпимая не только правилами Христианства, но и самого великодушия» [18, с. 76]. В практике вынесения и исполнения приговоров по политическим делам такая политика выражалась не только в общем расширении гуманности к преступникам, но и в более четко выраженной индивидуализации наказания виновным. Причем, действовавшие уголовные

законы не содержали соответствующих норм (и как раз складывающаяся правоприменительная практика по этим делам давала возможность в последующем обобщить их в Своде законов уголовных при создании Свода законов Российской империи).

Постепенно в течение XVIII в. становится заметно стремление даже в групповых делах определить меру наказания не только в зависимости от оценки умысла, мотивов действия группы преступников, но и с учетом различных обстоятельств дела. Например, учитывалась степень участия каждого в преступлении, перенесенные на следствии пытки и др. Для примера приведем соответствующие характеристики вины государственных преступников Хрущова и Гурьевых (1762 г.), совершивших «богомерзкое и злодейское дело» – именно так была расценена их попытка организовать заговор. Поручик Петр Хрущов. Его вина: «Обличен и винулся в изблевании оскорбления величества и что он старался других привлекать к умышляемому им возмущению противу нас и общего покоя, затевая якобы уже он и многих людей имел в своем согласии». Поручик Семен Гурьев. Его вина: «Яко сообщник с первым, не токмо в злодейском его умысл соглашался, но и сам других к тому подговаривал с прибавлением от себя разных лживых внушений, из чего во многом в первом допросе, а по обличении от свидетелей и во всем сам признался». Капитан-поручик Иван Гурьев. Его вина: «Сделал себя им соучастником тем, что, зная их умысел, об оном нигде не донес и сам, яко сведущий другому о том внушал, о чем в первом своем допросе утаил, а во вторичном и на очных ставках, по избличении, винулся». Соответствующими были и наказания, которые вынес преступникам суд. Приговор Петру Хрущову и Семену Гурьеву гласил: «Лиша чинов, исключая из

звания их фамилий и из числа благородных людей ... ошельмовать публично, а потом послать их в Камчатку в Большерецкой острог на вечное житье и имение их отдать ближним в родстве» [19, с. 172]. Здесь уже прослеживается градация преступного поведения – зачинщик, сообщник, соучастник, неизветчик, подозреваемый и т.д. В дальнейшем эта тенденция будет усиливаться.

Как видно, в послепетровский период XVIII в. приговоры по делам о политических преступлениях формировались коллегиально – либо специально создаваемыми судебными коллегиями, либо постоянно действующими органами управления (Сенат, Верховный тайный совет, Кабинет министров). Окончательное решение выносил император, который в течение всего XVIII в. выполнял функции верховного судьи, что отражало общественно-политические условия абсолютизма. В практике император (императрица) нередко смягчал наказание осужденным преступникам. Приговоры как правило определялись после устного выслушивания докладов руководителей органов политического сыска, для чего готовились «экстракты» – документы, представляющие собой прообраз будущих приговоров по уголовным делам. Эти экстракты писали в сыскных ведомствах, и в них включались те сведения, которые отражали монаршью волю по отношению к преступникам. В целом руководители органов политического сыска в силу своего служебного положения имели возможности сильного влияния на судьбы обвиняемых в государственных преступлениях. Во второй половине XVIII в. наблюдается тенденция расширения принципа гуманности в назначаемых наказаниях политическим преступникам, которая стала находить системное отражение во внутренней политике Екатерины II.

Библиографический список

1. Рассказов Л.П., Петручак Л.А., Упоров И.В. История уголовного процесса в России: учебное пособие. – Краснодар, 2001.
2. Семевский М.И. Тайная канцелярия в царствование императрицы Елизаветы Петровны. 1741-1761 гг. // Русская старина. – 1875. – Т. 12. – С. 3-12.
3. Судные процессы ХУП-ХУП в. по делам церкви // Чтения Общества истории и древностей российских при Московском университете. – 1882. – Кн. 3. – С. 191-197.
4. Дело о Феофане Прокоповиче // Чтения Общества истории и древностей российских при Московском университете. – М., 1862. Кн. 1. – С. 48-56.
5. Веретенников В.И. История Тайной канцелярии петровского времени. Харьков, 1910.
6. РГАДА. Разр. 7. Оп. 1. Д. 299.

7. Есипов Г.В. Яганна Петрова, камер-медхен Екатерины 1-й // Исторический вестник. – 1880. – № 3. – С. 549-558.
8. Книга записная именным письмам и указам императриц Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны Семену Андреевичу Салтыкову. 1732-1742 гг. // Чтения Общества истории и древностей российских при Московском университете. 1878. Кн. 1. С. 2-9.
9. Мельников-Печерский П.И. Княжна Тараканова и принцесса Владимирская // Русский вестник. – 1867. – № 5. – С. 204-257.
10. Н.И. Новиков и его современники: Избр. соч. – М., 1961.
11. Указ от 29.03.1753 г. «О именовании политическою смертию: взведение на виселицу, или положение головы на плах, и о представлении в Сенат экстрактов их дел, по которым преступники присуждаются к натуральной или политической смерти, не приводя приговора в исполнение» // ПСЗ-1. № 10087.
12. Никитин В.Н. Тюрьма и ссылка. – СПб., 1880.
13. Тимофеев А.Г. История телесных наказаний в русском праве. СПб., 1904.
14. Указ Сенатский от 22.01.1757 г. «О ссылке преступниц, по наказанию кнутом, в Сибирь, не вырывая у них ноздрей и не ставя на лице знаков» // ПСЗ-1. № 10686.
15. Толкаченко А. Толкаченко А. Из истории военных тюрем в России // Уголовное право. – 1999. – № 3. – С. 92-96.
16. Указ от 15.12.1741 г. «О всемилостивейшем прощении преступников и о сложении штрафов, недоборов и начетов с 1719 по 1730 год» // ПСЗ-1. Т. 11. № 8481.
17. Рассказов Л.П., Упоров И.В., Карнаушенко Л.В. История государства и права зарубежных стран / курс лекций. – Краснодар, 2004.
18. Лопухин И.В. Записки сенатора И.В. Лопухина. – Лондон, 1860. – С. 5.
19. Рюльер К-К. История и анекдоты революции в России // Россия XVIII в. глазами иностранцев. – Л., 1989.

SENTENCES FOR CRIMES AGAINST THE STATE: FEATURES OF THEIR PASSING AND EXECUTION IN RUSSIA IN THE 18TH CENTURY

I.V. Uporov¹, *Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor*

A.A. Pachkov, *Candidate of Legal Sciences*

¹*Russian Academy of Natural Sciences
(Russia, Krasnodar)*

Abstract. *This article examines procedural aspects related to the prosecution of those who committed crimes against the state in the 18th century (however, given the chronology, the reign of Peter the Great receives minimal attention, given that this period has been studied in sufficient detail in this context). Emphasis is placed on the final stage of investigative and judicial proceedings, when the criminal is convicted and the issue of sentencing and the specifics of its execution are decided. The article analyzes legal acts reflecting both investigative actions and specific verdicts, as well as archival documents and scholarly works from various eras that address this issue. Examples of verdicts in a number of criminal-political cases are provided. It is noted that there was no fundamental difference in the procedural approach to formulating and formulating sentences for political offenders during the period under review, nor were strict legal procedural norms developed. In virtually all cases, such cases were heard by political investigation agencies, which proposed sentences. The final decision was made by the empress, in some cases delegating this authority to trusted officials; torture was often used during the investigation. The situation began to change only at the very end of the 18th century, when the principle of humanism began to permeate this sphere.*

Keywords: *verdict; investigation; crimes against the state; extracts; penal servitude; corporal punishment; torture; absolutism.*